

ЗВЕЗДЫ
НАУЧНОЙ
ФАНТАСТИКИ

18+

ЦЕЗАРЬ ЗБЕШХОВСКИЙ

ВСЕСОЖЖЕНИЕ

Цезарий Збешховский

Всесожжение

Серия «Рамма»

Серия «Звезды научной фантастики»

Текст предоставлен правообладателем

<https://litres.ru/42666906>

Всесожжение/Цезарий Збешховский: АСТ; Москва; 2019

ISBN 978-5-17-106780-9

Аннотация

<r>Это мир, который пережил Апокалипсис – год Зеро – и даже этого не заметил. Это мир, в котором можно обмениваться мыслями, чувствами и воспоминаниями, как файлами. Это мир, в котором идет война с Саранчой – мутировавшими людьми, чьих целей никто не знает, а с территориями, захваченными ее войсками, потеряна связь. Это мир, в котором искусственные интеллекты и модифицированные солдаты превратили сражения в вид искусства; мир, в котором душа – не метафора, а вполне реальное явление. Францишек Элиас, наследник корпорации «Элиас Электроникс», вместе со своей семьей укрывается от войны в огромном семейном поместье, в Высоком замке, еще не подозревая, что скоро станет свидетелем невероятных ужасов, связанных с самой сущностью этой реальности. А на орбите планеты снова появляется «Heart

of Darkness», межпространственный корабль, который когда-то сгинул в глубинах космоса. Теперь, попав в пространственно-временную петлю, он сам превратился в непроницаемую загадку, возвращаясь уже в шестой раз. Корабль не выходит на связь, не передает никаких сигналов, неизвестно, что или кто находится на его борту. Понятно лишь одно: перед исчезновением он обнаружил нечто невообразимое даже по сравнению с целью своей миссии – найти Высший Разум.</p>

Содержание

От составителя	6
Всесожжение	10
I. В пути	10
1. Францишек Элиас III	10
2. Вавилон рулит	20
3. Журавлиный танец	29
4. Рассказ Радужного Ворона	38
5. Morozhenoje	50
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Цезарий Збешховский

Всесожжение

Cezary Zbierzchowski

HOLOCAUST F

INNEGO NIE BĘDZIE, MIEJSCE NA DRODZE,
MONETA, LIMFY SZKLANKA, BEZLUDZIE

Публикуется с разрешения автора, издательства Powergraph и при содействии Владимира Аренева и Сергея Легезы

Перевод с польского: *Ирина Шевченко*

Copyright © 2004–2013 by Cezary Zbierzchowski Copyright

© 2013 by Powergraph

© Ирина Шевченко, перевод, 2019

© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2019

© Владимир Аренев, предисловие, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

От составителя

Книга, которую вы держите в руках, необычна – даже по меркам современной польской фантастики, в которой незаурядных текстов хватает. Во «Всесожжение» входят заглавный роман и цикл рассказов, причём написаны они в разных конвенциях: есть здесь и теологическая фантастика, и мистика, и ужасы, и социальная НФ. Но что интереснее всего – и рассказы, и роман посвящены единому вымышленному миру, очень похожему на наш. Сам автор называет его «миром Раммы» – город этот, в топониме которого слышны отголоски земного Рима, является ключевым для большинства историй Збешховского. При этом нельзя сказать, чтобы все они были связаны сюжетно; скорее мир Раммы для автора – удобный способ исследовать вселенную (вымышленную, а опосредованным образом – и нашу родную).

Это вполне традиционный для польской фантастики *modus operandi*: здесь редко дебютируют романом, много чаще – рассказами, для которых, к счастью, хватает площадок. Что важнее – эти площадки, от старейшего журнала «Nowa Fantastyka» до многочисленных тематических антологий, не остаются незамеченными: наиболее яркие публикации читают, обсуждают, они становятся событием. И, как следствие, первый роман или сольный сборник молодого автора ждут.

Цезарий Збешховский дебютировал рассказом «Другого

не будет» в журнале «Ubiq» (2004), и, пожалуй, это было знаковым явлением по многим причинам. Журнал, разумеется, был назван в честь романа Ф. К. Дика, которого в Польше очень любят и который является одним из любимых авторов Збешховского. Сам же рассказ написан в жанре теологической фантастики; он оказался первым в череде историй о мире Раммы и уже в нём прозвучали темы, которые Збешховский продолжит исследовать в других своих текстах.

Писал он их не сказать, чтобы очень часто: сочинительство для Цезария скорее возможность высказаться на важные для него вопросы, причём форма для него важна не менее содержания. Поэтому от раза к разу меняются жанры, поэтому же между дебютным сборником «Реквием для кукол» (2008) и первым романом «Всесожжение» (2013) прошло столько лет. (Добавим, что второй роман, «Distortion», Цезарий дописал в начале 2019 года).

Рассказы и повести постепенно знакомили читателей (и самого автора?) с миром Раммы, причём одни выглядели как вполне завершённые и самостоятельные истории, другие же – скорее как фрагменты чего-то большего. Этим большим и стало упомянутое выше «Всесожжение» (в оригинале – «Holocaust F»). Вопреки тому, что роман отнюдь не заигрывает с читателем – скорее требует от него повышенного внимания и определённой эрудиции, – книга в Польше была номинирована практически на все мало-мальски значимые жанровые премии и получила три из них: награду «SFinks»,

премию старейшего польского журнала фантастики «Nowa Fantastyka» и премию имени Ежи Жулавского. Иными словами, роман оценили и простые читатели, и профессиональные литературоведы.

Это и неудивительно: даже в нынешней Польше, при всём жанровом разнообразии, твёрдая НФ встречается не так уж часто. Збешховский же работает в традиции даже не Лема, а скорее Яцека Дукая, и среди авторов, его вдохновляющих, неизменно называет Питера Уоттса, Чарльза Стросса, Йена Макдональда... «Всесожжение» демонстрирует все признаки современной твёрдой НФ: не только внимание к новейшим научным открытиям, но и умение связать их в единую непротиворечивую картину мира, а также – перекинуть от неё мостки к другим знаковым текстам, жанровым и мейнстримовским. Внимательный читатель обнаружит во «Всесожжении» и других текстах цикла отсылки к Станиславу Лему, Филипу Дику, даже Стивену Кингу. Что важно: отсылки эти не формальные, они вставлены не только ради подмигивания читателю. Збешховский актуализирует мир будущего, заостряет в нём проблемы, знакомые и нам: торговля людьми, беженцы, коррумпированные власти... Мир этот так же неоднороден, изменчив, опасен и привлекателен.

Разумеется, «Всесожжение» каждый волен читать так, как ему хочется. Для кого-то это будет очередная развлекательная книга в экзотических декорациях, для кого-то – попытка поговорить о вещах крайне важных и непростых. Так или

иначе, наше издание даёт несколько возможностей познакомиться с миром Раммы – и об этом стоит сказать особо. Вы можете начать с рассказов, следуя путём, которым открывал вселенную Збешховского польский читатель. Вы не сразу осознаете масштаб происходящего, но мягче и легче сможете воспринять всю необходимую информацию – и будете готовы к собственно «Всесожжению». А можно начать с романа – здесь порог вхождения в текст выше и сложнее, некоторые упоминаемые вскользь нюансы останутся непонятными, зато вы сразу увидите всю картину целиком.

Добавим, что не существует единственно верного способа начать чтение этой книги – и выбор за вами. Надеемся лишь, что это путешествие вас не разочарует.

Приятного чтения!

Владимир Аренев

Всесожжение

*Все началось 14 марта 1980 года
Эта книга для тебя*

I. В пути

1. Францишек Элиас III

Я ушёл в лес потому, что хотел жить разумно, иметь дело лишь с важнейшими фактами жизни и попробовать чему-то от неё научиться, чтобы не оказалось перед смертью, что я вовсе не жил. Я не хотел жить подделками вместо жизни – она слишком драгоценна для этого; не хотел я и самоотречения, если в нем не будет крайней необходимости.

Большинство людей, как мне кажется, странным образом колеблются в своём мнении о жизни, не зная, считать ли её даром дьявола или бога, и несколько поспешно заключают, что главная наша цель на земле состоит в том, чтобы «славить бога и радоваться ему вечно». А между тем мы живём жалкой, муравьиной жизнью, хотя миф и утверждает, будто мы давно уж превращены в людей, подобно пигмеям, мы сражаемся с цаплями, совершаем ошибку

за ошибкой, кладём заплату на заплату и даже высшую добродетель проявляем по поводу необязательных и легко устранимых несчастий. Мы растрачиваем нашу жизнь на мелочи¹.

Луиза хватает меня за плечо.

Заряд внезапного страха пробегает через мое напряжённое тело. Так происходит всегда, когда я мыслями в записях и кто-то касается меня без предупреждения. Нервная гипертоническая возбудимость; сейчас я начну корчить идиотские мины, неконтролируемые пороссячи гримасы.

Как же я ненавижу это дерьмо.

– Можешь глянуть на внутренний экран? – спрашивает она взволнованно. – Парень уже пять минут ждёт соединения.

– Я же сказал, Лу, что сейчас ни с кем не разговариваю.

– Но это касается нашего дельтаплана. Шеф охраны «Элиас Электроникс» хочет, чтобы мы немедленно приземлились: на контрольной башне упал последний сервер. Они уже выслали машины.

– Тогда садимся. Дай распоряжение Давиду.

– Позвонить твоему отцу?

– Да, и не морочьте мне голову.

Мы живём жалкой, муравьиной жизнью – чушь собачья! –

¹ Цитата из Г. Д. Торо «Уолден, или Жизнь в лесу» в переводе З. Александрова. Все дальнейшие ссылки на Г. Д. Торо означают ссылки на это произведение в указанном переводе.

подобно пигмеям, мы сражаемся с цаплями – не могу установить связь с SII-5L, – совершаем ошибку за ошибкой, кладем заплату на заплату и – вот же твою мать! – растрачиваем нашу жизнь на мелочи, – я высморкался на собственные мемуары, на самой середине – жизнь – это такое сокровище.

Я копаюсь с этой связью, и наконец мне удаётся её установить. Команды конфигурации таинственнее, чем текст, который считывается из долговременной памяти. Торо, в принципе, неплохой, он действительно замечательный гость, но не сейчас, не тут, сейчас он выводит меня из себя. Это должны быть мемуары, а не S-отрыжка мозга, и без подобных просветов задача может оказаться невыполнимой, а ведь я хочу создать летопись времён, в которых нам пришлось жить.

Раздражает меня много вещей, например, злоупотребление матерными словами в записях, но у меня нет выбора. Когда я был ребёнком, врачи спорили, чем выступает у меня копролалия – симптомом психической болезни или неврологического отклонения. Дошло до того, что у меня постоянно кружилась голова, появился нервный тик, трудность с концентрацией и слишком экспрессивная мимика лица, и они предположили, что вероятнее всего, это синдром Туретта, и дело с концом.

А я потом пять раз менял тело (раз синтетическое, четыре раза от стёртых), но так и не смог избавиться от этого паршивого недуга.

Сраного недуга.

– Скорее смешного, – говорит Луиза, высказывая из дельтаплана. Мы только что приземлились на бетонной площадке и бежим к темно-синему «бентли» (китайско-немецкому шестиместному «Фантом Таун Кар»).

– Смешного? А помнишь, как на первом свидании я плелся на пол, как кретин?

– Помню. И что с того? Ты ведь эксцентричный миллиардер.

Ага.

Мы усаживаемся на белое сиденье машины и укладываем детей спать. Никакой я, черт возьми, не эксцентричный миллиардер (не из-за этого ругаюсь). Думаю, что это компульсия, то же самое, что и бессмысленное блуждание по дому, когда я остаюсь один. Во всяком случае, это дерьмо не сидит в спинном мозге или в периферической нервной системе, только в моей голове, и никто не может его оттуда достать. Мне нужно перегрузиться в другую колыбель, но сейчас это ненадёжно и слишком рискованно, не окупятся такие финты перед концом света. Таким уже и останусь – пережил же одарённый сомнительным очарованием жулика более ста двадцати лет. Могу прожить ещё несколько, а старая добрая Лорелей безусловно мне в этом поможет.

Въезжаем на окружную. Я сейчас сообразил, что стал колыбельщиком почти сто лет назад. До того момента я умирал несколько раз – по собственному желанию или случайно, – и всегда мне как-то удавалось вернуться. Знаю, что хоть и су-

существуют другие миры, но не существует «того света». Когда кто-то начинает приводить аргументы в пользу жизни после смерти, у меня появляется желание задушить его голыми руками. Пусть сам убедится (хотя убедиться не сможет, если он не один из нас). Примитивный человек ничего не увидит, а я не слышал, чтобы колыбельщик нес подобный бред. Вот один из феноменов нашей жизни.

– Но ты и так её любишь, правда? – допытывалась Лу.

– Не хорошо подглядывать, – щипаю её за бедро.

Луиза имеет доступ к онлайн-просмотру всего, включая личный буфер обмена: я разрешил ей это в приступе слабости. Мы сидим на сервере SII-5L, принадлежащем *VoidWorks*², и защищённом, как сокровищница Центрального Банка; никто посторонний не зайдёт на него. После удаления всех коммерческих и семейных секретов, после основательного редактирования текста, когда из моих воспоминаний не останется уже ничего, может, я решусь их опубликовать. Только было бы тогда кому это читать.

С детьми и Луизой мы едем в Замок. Мы покинули Рамму около восьми часов вечера, через полчаса после того, как отец получил наводку от Блюмфельда о приближающейся угрозе. Вернее, о двух угрозах: о возвращающемся в шестой раз «*H.O.D.*»³ и новой атаке Саранчи, которую армия может

² «ВойдВоркс», в переводе с англ. «Работа с пустотой», дочерняя компания «ЭЭ».

³ «*Heart of Darkness*» – название космического корабля, в переводе с англ:

не сдержат. Слишком много вампиров кружит по окрестностям, слишком много стерва. Для меня смерть не в новинку, Луиза вообще не умрёт, но я боюсь за детей. Они не заслужили того, чтобы попасть в руки заражённых спамеров Синергии. Те могут атаковать даже людей без слотов только для того, чтобы просто уничтожить жизнь.

ИИ, руководящие отделами *Death Angel*⁴, бросили на борьбу все силы, но Саранча инфицирует каждый день столько всего, что наши суперкомпьютеры с таким же успехом могли бы вязать спицами шарфики. Эффект был бы сходным. Что-то случилось в Генеральном штабе – неясно что конкретно. Очевидно часть военных снова перешла на сторону партизан. Раньше мы летели травмолётом (ненавижу грёбанные дельтапланы и антиполя), но рухнула Система контроля полётов и мы пересели в лимузин. Три бронированных автомобиля двинулись по автостраде к Сигарду. Чёрная машина *Security Corps*⁵ едет перед «бентли», вторая защищает тыл. Парни из Отдела специального назначения «Элиас Электроникс» с начала войны перевезли столько ценного груза, что и нас довезут в целости и сохранности. Это около четырёхсот пятидесяти километров, рукою подать от Сигарда, нашего родового поместья. Замок возвышается на холме Радец, откуда открывается вид на заповедник и стогектарное ранчо.

«Сердце тьмы».

⁴ Ангел смерти (*пер. с англ.*).

⁵ «Секьюрити Корпс» – название охранной компании.

Территория затянута трёхметровым проволочным ограждением под напряжением, а двор замка укреплён, как военный бункер; его обслуживают около пятисот человек. Добро пожаловать непрошеным гостям.

Теоретически мы могли спрятаться под Раммой, на территории какого-нибудь завода. Там размещаются настоящие армии, которые будут защищать машины (а при случае и свои семьи) до последнего, но Юниор справедливо заметил, что существует опасность взрыва складов, поэтому лучше рискнуть и поехать в Замок. Вскоре у Большой Развилки мы присоединились к конвою с севера, с которым ехали отец с Юниором и правление «ЭЭ». Антон старше меня на три года, а Юниора он унаследовал по отцу. Я попал ещё хуже, я Францишек Элиас III (после деда и прадеда, создателей «Элиас Электроникс»). Третий Францишек – досадный недостаток фантазии при выборе имён для потомства. По моему мнению, это вина матери (упокой Отсутствующий Бог её несуществующую душу). Однако имя не самое важное, впрочем, как и тело. Самое важное, что мы происходим от тех самых Элиасов.

Мы – семейная гигакорпорация, с начала войны заработали брутто два миллиарда ECU, или более семи миллиардов вианов. И я с начала поездки вышвырнул из *Void Works* тридцать человек, а глава профсоюза даже не пикнул. У них прописан в контракте запрет на использование прямых каналов Синергии, и они не приняли медицинскую помощь для уда-

ления слотов. В двадцать ноль-ноль истекал срок. Я не мог ждать дольше, пока кто-то подключится и начнёт шуровать на территории завода. Наша консервативная политика, над которой смеялось столько директоров других фирм, наше постановление исключить из команды людей с айдами (раскритикованное омбудсменом, пока мы его не заменили), оказались единственно верным решением. Увеличение возможности развития, которое предполагало непосредственное соединение с сетью, никоим образом не сопоставимо с масштабом угроз: с вирусными психозами типа S, промышленным шпионажем, зависимостью от виртуальных креаторов решений, абстинентным аутизмом и так далее. Я убедил отца ввести соответствующие пункты в контракт, а людей, что уже работают, уговорить на операцию или выгнать с выговором в документах. И я горжусь этим. Никто из семейства Элиас или из его ближайшего окружения не имеет права хотя бы коснуться Синергии.

– Я бы не перегибала с чистотой, – лениво замечает Луиза и улыбается. – Быть колыбельщиком ещё экстравагантнее, чем внедрить себе слот. Не говоря уже обо мне.

Лу права. Но я и не говорил, что мы провозглашаем возвращение человека к дикой природе. Степень киборгизации семьи – это одно, а издевательства от грёбанных айдов и хакерских экскрементов, загруженных прямо в мозг, – это другое. Колыбель отрезана от окружения почти идеально, беспроводное соединение с Синет II не приводит к перезапи-

си её содержания, можно возвращаться в сети без каких-либо апгрейдов. Тоже самое и с электронным мозгом Луизы. Возможность нашего инфицирования меньше, чем в случае обычного человека, потому что у нас установлены биозаслоны от паразитов, атакующих нервные клетки.

В семье колыбели семь членов: отец, Антон и Марина (наша сестра), дядя Картер и его вторая жена Клер, их дочь Инка и я. Мы делали дополнительную модификацию некоторых тел (в основном Антон), но это вещь недолговременная. Визуально и на уровне ДНК мы не такие, как раньше, поначалу было трудно это принять, но со временем человек привыкает ко всему. Я еще помню Антона худым блондином с торчащей шевелюрой, сейчас он темнокожий толстый парень с фенотипом ремарца с Юга. Было трудновато привыкнуть к такому виду, но чего не сделаешь для любимого брата, с которым в детстве дрался за каждую машинку. У него были свои причины, чтобы выбрать такую оболочку.

Я посмотрел на Иана и Эмилию. Дети спали на сидении напротив нас. Если удастся задержать конец света, нужно будет как можно быстрее запечатать им мозги, когда только врачи подтвердят прекращение роста (это плюс-минус через пятнадцать лет). Независимость от смерти, по крайней мере частичная, открывает перспективы, даёт больше времени и уверенности, уменьшает влияние фатализма, который разбушевался после года Зеро. Временами у меня складывается впечатление, что хоть тресни, произойдёт то, к чему

стремится программа мира. Не хватает того непостоянства, которое встречалось, пока Бог не ушёл. Поэтому на всякий случай лучше иметь под рукой реинкарнатор «ЭЭ». Я знаю, о чём говорю, потому что уже умирал.

Таких как мы, колыбельщиков, на земле немного, около пятнадцати-восемнадцати тысяч. Колыбель стоит несколько миллионов вианов – это как десять солидных домов. Её инсталляция, соответствующее программное обеспечение и дальнейшее обслуживание – это очередная пара нолей (не говоря уже о стоимости операции в реинкарнаторе). Потому это развлечение для элиты; массы загружают себе в череп китайские синергические модификаторы или японские и американские подделки. Нам колыбель гарантирует спокойный стайерский забег на протяжении десятилетий – им слоты скрашивают спринт феерией красок и иллюзией, что всего можно добиться. Но это только иллюзия. Информационная перегрузка ещё никому не открывала двери в рай.

Колыбельщиков мало, но зато таких девушек, как Луиза, вообще нет; есть только с приближенными параметрами. Создавали мы её несколько лет, используя исследования, которые проводились для нужд военных. Хотя Блюмфельд и вставлял нам палки в колёса, лаборатории *Void Works*, которые десятилетиями производили боевых андроидов, ради меня вспомнили, что начинали мы с самых лучших *lovedolls*⁶ в мире. Я сам спроектировал её лицо, установил парамет-

⁶ Секс-кукол (пер. с англ.).

ры фигуры, эмоциональные рефлексy, моторику и темперамент. Мы ввели элемент случайности, чтобы добавить немного перца. Я мог создать девушку из снов, мог сделать из неё эфирную эльфийку или демона, который не расстаётся с кнутом. Я мог установить, как быстро она должна учиться и перещегооляет ли в этом отношении своего создателя.

Я был благородным демиургом и дал ей все наилучшее – рискнул даже экспериментальным симулятором свободы воли.

– Надеюсь, ты меня слышишь, Лу?

– Слышу, Францишек, мой ты идеальный мужчина.

– И, конечно, ты это ценишь.

– Каждый день. Кроме времени, когда заряжаю батарею.

Люблю зловредность Луизы. Без этого я бы ослеп и впал в колыбельный паралич. Она проделывает дырки в моей коробке, остужает мне голову, и, когда надо, даёт пинок под зад.

Францишек Элиас III будет первым в роду, кто возьмет в жёны стопроцентного андроида.

2. Вавилон рулит

Весь этот балаган, возведённый в квадрат Апокалипсиса святого Иоанна, который, по правде говоря, не напоминает даже войну (никакого фронта, только металлические пули и тысячи очагов борьбы, вспыхнувших по всей планете), начи-

нался весьма невинно. Реклама улучшения памяти и сосредоточенности, обучения без усилий, достижения жизненных целей без стресса. Продвижение удовольствия под заказ, ВР-отдых, чудодейственные препараты от усталости и боли. Магические заклинания, которые начинаются с «нейро-» и «нано-», а заканчиваются «синергетическим взаимодействием миллионов сознаний».

Наблюдая за этим, сначала мы не верили, что люди с радостью позволят себя высосать изнутри, словно моллюсков. Но тогда мы ещё не понимали, что на самом деле означает год Зеро, мы и понятия не имели о влиянии плазмата на наше развитие как вида.

Конвой мчится по автостраде, никем не потревоженный. Мы едем под двести в час, опережаем гражданские и военные машины; ребята впереди включили предупредительные огни. Давид пересылает на консоли патрулей, мимо которых мы проезжаем, VIP-информацию. Остальным водителям просто отправляет сообщение «Освободить дорогу», и автоматы послушно съезжают на более медленные полосы. Когда мы покидали Город, какой-то идиот на голубом «шевроле» попытался ехать с нами наперегонки, но получил предупреждение, что мы немедленно прострелим ему шины. И сдался. Я на всякий случай не смотрю в окно, получаю информацию из вторых рук. Не заглядываю в окна машин, мимо которых мы проезжаем, чтобы не увидеть лиц, искривлённых спазмами вируса. На автомобилях всё чаще ездят

живые трупы; если бы не автопилоты, у нас была бы тут одна сплошная грёбаная мясорубка.

Посмотрев в глаза этим людям, я увидел бы пелену Вавилона, которая оставляет на лице свой логотип, вездесущую торговую марку – когда-то лошадям и другим домашним животным выжигали на шкуре тавро хозяина. За ухом блестит слот, в голове месиво из синергетического обмена файлами. Исполнилась мечта конструкторов новой сети: P2P для знаний, P2P для воспоминаний, P2P для эмоций. Можешь обмениваться своими мыслями под видом S-файлов, когда тебе только заблагорассудится. Записываешь, конвертируешь, делишься. Можно ли ещё крепче связать человека с человеком? Может ли существовать ещё бóльшая интеграция?

Вокруг вертятся мемы: P2P для религиозных откровений, культурных табу, страхов и желаний, благородных порывов и преступлений. Рамманец может быть индейцем с Амазонии, китаец может стать зулусом, Скандинавия приблизилась к Австралии на ширину потока эмиссии. Непосредственный обмен всем.

А мы не верили.

Мы ничего не сделали, когда двадцать лет назад Вавилон, первая платформа S-файлов, только выходила на рынок. Отец нас оправдывает, говорит, что даже если бы мы среагировали и поручили экстренно подготовить юридическую блокаду в Лиге Наций или заказали бы для конструкторов Синергии наёмных убийц, это ничего бы не дало. Ни-

чего не могло измениться, человечество уже потеряло тормоза, покатило в пропасть собственных желаний, которые не ограничивало ничто, кроме денег. После года Зеро оно освободило свой потенциал; могло идти к звёздам, а пришло к звёздочкам, долбанувшись лбом о твёрдый пол. Десятки лет непрерывного усовершенствования хакари.

Сейчас мы можем обо всём забыть. Три года назад какая-то капля переполнила чашу. Мы не знаем, было ли это следствием неумолимой логики нового мира или за вирусом с самого начала стояли экстремисты, которые пытались из всех нас сделать Избранный Народ, а потом уничтожить нас нашими же святыми руками. То, что сто лет назад СМИ называли Новым Холокостом, длится до сих пор, причём в раздутой форме и таким блядским образом, что лишь уничтожив все зараженное, еще можно спасти мир. Однако я опасаюсь, что на это не хватит ни денег, ни решительности и что самые большие семьи, мафия и корпорации (похожие друг на друга как две капли воды) не смогут сдержать это безумие. Мы слишком поздно начали чистку, слишком поздно выслали в космос «*H.O.D.*», чтобы найти другие места для жизни: не отравленные нанотехнологиями и не охваченные демоном сетевого Сообщества.

Я замечаю, что Давид начинает тормозить и перестаю визуализировать мысли; записи бледнеют на сетчатке, уступают место Большой Развилке. С правой стороны, освещенной последними лучами солнца, виднеются разрушенные эста-

кады автострады А4, которая пересекается здесь с А1. Узел охватывает ещё три регионалки и путаницу дорог местного значения. Чего тут только нет... На земле и над землёй, а больше всего под ней – супермаркеты, центры релакса и ВР-кино, станции топливных элементов (в том числе заимствованная нами станция сети Сирил), лифты вверх и лифты вниз, ремонтные сервисы и десятки кафе. Всё висит на платформах, тянется вдоль веток дорог, светит неонам в сгущающемся сумраке, приглашает в подземные комплексы, пульсирует и отчаянно кричит, что мир в полном порядке. Но это не так. Вокруг заметны следы боев, которые шли здесь неделю назад. Сгоревшие стены, слепые окна, обломки машин разбросаны на обочинах, кажется, обрубки деревьев все ещё дымятся. На дороге темнеют пятна свежезалатанных дыр. Армия и правительство сделали всё, чтобы спасти этот узел. Я знаю от Антона (а он от человека Блюмфельда), что по округе ударили химическими бомбами, которые провоцируют разложение крови у вампиров, попутно положив около двухсот гражданских с катализаторами. Логика войны: не было выбора. Смели с лица Земли большой отряд партизан, а собственные потери включили в цену. Большая Развилка была спасена и окружена полком пехоты *Death Angel* полковника Шарого.

На парковке для транспортёров, в тылу заправочной станции стоят четыре машины второго конвоя. Два лимузина: «мерседес», удлинённый «майбах Ландаулет+», джип Отде-

ла спецназначения *Security Corps* (ребята в смарт-шлемах и лёгкой бронеформе) и лимузин охраны, похожий на наш. Давид паркуется возле «майбаха», а сидящий в нём отец опускает затемнённое окно. На меня смотрит девятнадцатилетний веснушчатый засранец – реинкарнация два года назад, довольно консервативный выбор тела. Очень напоминает задорного паренька в форме сигардского колледжа, которого я видел на фото, сделанных полтора века назад. Внутри машины мелькает смуглое лицо Антона. С ними также Юки, шеф юридической конторы «Элиас Электроникс», Хлои, секретарша Антона, и скорее всего Янка, ассистентка и любовница отца. Я её не замечаю, но навряд ли она едет в «мерседесе» с остальными из правления «ЭЭ».

– Как малыши? – спрашивает отец смешным писклявым голоском.

– В порядке, спят от самой Раммы, – я моргаю из-за приступа нервного тика. – Поездка была спокойной, ни артиллерии, ни дельтапланов-смертников. Моя надежда растёт экспоненциально.

– На А4 тоже неплохо было. За два часа ребята только столкнули в кювет какого-то идиота на фургоне, и кто-то обстрелял за нами дорогу из лёгкого оружия. А вот на Юге может быть хуже, нужно смотреть в оба. Брендан, шеф спецназа, с этого момента принимает на себя командование колонной.

– Лу, дорогая, покажи свою симпатичную мордашку! – во-

пит из автомобиля Антон. В темноте сияют его белые зубы.

– Это не игрушки, черномазый, – мы так мило шутим.

– Недалеко от Сигарда всё ещё идут бои с отрядом Кришны, – отец-подросток говорит на сленге из GTV. – Через полтора часа мы приблизимся к территории, охваченной военными действиями. Не будет никаких остановок, не высовывайтесь из машин. Если кому-то нужно, то делайте свои дела сейчас. Пусть Луиза разбудит детей.

Мы перераспределяем силы. Давид и охрана конвоя бегут к туалетам, Луиза вытаскивает близнецов, чтобы пописали за машиной. Они молодцы, заспанная Эмиля только немного похныкивает, держа в руках красного мишку. Иан сам стягивает штанишки и, зевая, рассказывает мне об игре, которую видел на инфоре «Кортасар». Сейчас мы дадим им попить, накормим из тубиков и снова уложим спать. Я втягиваю в себя июньский воздух: вечерние остатки жары, запах пожара и асфальта. Хмыкаю: спецназовцы постоянно сканируют округу, будто уже ждут нападения. Брендан подгоняет всех, хочет, чтобы мы двинулись в путь как можно быстрее. Стартуем.

Движение на автостраде за Большой Развилкой слабеет, мы отъезжаем от Раммы, мчимся на юго-запад. Дети какое-то время балуются, показывают друг другу придорожные голограммы и огни транспортёров, мимо которых мы проносимся, играют моим коммуникатором, болтают с Давидом, который охотно отвечает на сложные вопросы четы-

рѐхлеток. Потом я объявляю время сна, гашу свет внутри кабины, Лу и я целуем малышей на ночь. Я придерживаюсь ритуалов, которые помню с детства, хочу защитить мир, которого уже нет, потому что даже люди без айдов создают в Синете виртуальные сообщества и почти полностью перестают касаться друг друга, перестают общаться, показывать примеры взаимодействия своему потомству.

Быть может, именно Вавилон должен был стать панацеей против атомизации и равнодушия общества, может, намерения его создателей были благородны и достойны восхищения. Но платформа мутировала (нам неизвестно, самостоятельно ли) и превратилась в инкубатор психических троянов. Все началось три года назад, в конце февраля.

Вирусы, которые атаковали людей, подключѐнных к Синергии, вызывали такой спектр повреждений мозга и психозов, что учёные целого мира получили для исследования материал, которого хватит им до конца жизни. У небольшого процента юзеров наступил парадоксальный эффект: в несколько раз вырос интеллект, даже появилось что-то наподобие рудиментарной телепатии, способной считывать электромагнитные волны с других айдов. Предполагается, что именно так появилась Саранча – террористическая организация нового поколения. Еѐ членов называли и преступниками, и коммунистами, и анархистами, и сумасшедшими, но когда стало известно, что они охотно пьют кровь, обогащённую катализаторами, их стали называть вампирами. Воен-

ные специалисты отрицают, что это имеет практическое основание, однако вампиры неизменно утверждают, что таким образом улучшаются телепатические способности и они могут влиять на мозг других людей (даже на те, которые не подпитаны нано). Следует признать, что они невероятно легко перенимают контроль над подразделениями войск Лиги и отдельных государств. *Nil admirari*⁷.

В критический момент к Синергии были подключены около восьми миллиардов людей из двенадцатимиллиардного населения. К счастью, почти половина из них добавила к оригинальной защите ещё и хакерские улучшения, над которыми корпели самые мозговитые и прыщавые головы, а потому спаслась. Чуть больше десяти процентов в момент аварии потеряло подключение к сети, выиграв немного времени. Больше всего ужасало то, что даже после мутации Вавилона люди и далее массово подключались – и подключаются! – к Синергии, веря своей защите и фальшивым обещаниям администраторов. Они настолько зависимы от обмена S-файлами, что даже угроза смерти не сдерживает их от того, чтобы начать сеанс. В Китае на следующий день после аварии начались казни упрямых пользователей. Потом на электрический стул и в газовые камеры пошли жители этнических гетто в США, Франции, ЮАР и России.

И тогда началось безумие, а Саранча впервые ударила сразу по нескольким уголкам Земли.

⁷ Немудрено (пер. с лат.).

– Ты пишешь захватывающие вещи, но стоит вздремнуть,
– Луиза бесцеремонно трясёт меня, не допуская сопротивления.

Мысли крутятся вокруг ужасного несчастья. Его не видно, когда я смотрю на спокойные мордашки спящих детей, его не слышно, когда из колонок доносится музыка. Я узнаю «*Adagio for Strings*» Барбера⁸ и симфоническую версию «*The Wall*»⁹. Я бы никогда не поверил, что конец света на расстоянии вытянутой руки. Мы, пассажиры конвоя, который приближается к Замку, несём ответственность: не за сто тысяч работников корпорации в Рамме и ещё четверть миллиона разбросанных по всему миру, а за всех людей, которые ещё остаются в здравом уме.

С такими мыслями заснуть трудно.

3. Журавлиный танец

Я думал о матери, а может просто задремал, и она мне приснилась – нечёткая, хрупкая фигура, одетая в светлое платье и сандалии. Длинные белые волосы блестели на солнце. Я видел её со спины – явный символ ухода, который, словно иней, осел на дне колыбели; воспоминания детства пережили десятилетия, а могли бы пережить и столетия.

⁸ «Адажио для струнных» – наиболее известное произведение американского композитора Сэмюэля Барбера, впервые исполненное в 1938 году.

⁹ Имеется в виду «Стена», альбом группы «Пинк Флойд» 1979 года.

Мать ушла по солнечному лучу к тому, кто даже не был человеком. К чужому. К грёбаному Стражу Крови. И ничего не меняет тот факт, что прошло столько времени. По крайней мере, не для меня. Может, Марина и Юниор как-то с этим согласились, а отец каким-то шизоидным образом все рационализировал (ты же знаешь, сын, что горо манипулировали человеческими чувствами: это не её вина). И может, так было даже лучше, так как благодаря этому мы познакомились с Харви, одним из Брошенных в азартной игре плазмата. Но я знаю, что в сто раз больше хотел бы, чтобы она осталась с нами.

Час назад мы съехали с автострады. Конвой остановился на парковке неподалёку от съезда номер сто двадцать. Мы должны вернуться на А1, как только получим подтверждение от штаба Стилица, что партизаны прекратили обстрел пригорода Сигарда. Федеральные войска бомбят их позиции. Далеко, на самой линии горизонта, видны одиночные отблески. Это мороз выжигает мутировавшие отбросы, которые пытаются прорваться в город и захватить склады армии. Отец ошибся, предсказывая безостановочную поездку до Замка. Сейчас – вопреки распоряжениям спецназовцев – он мельтешит между машинами и раздаёт указания злым голосом через коммуникатор. Посредники ведут последние переговоры о важном контракте с азиатским концерном F.E.O. Отец должен был лично участвовать в их последней встрече, а вместо этого что-то ворчит по сети и на-

резают круги на асфальтированной площадке. Уже давно перевалило за полночь, мы застряли здесь надолго.

Оставляем детей под опекой Давида и отправляемся на очередную незапланированную прогулку. Я беру Луизу под руку. Сразу за белым бордюром парковки начинается сосновый лес, недалеко щетинятся высохшие кусты, карликовый можжевельник и другие растения, которые невозможно идентифицировать в свете ламп. Именно оттуда доносится крик охранника с галогенным фонарём.

– Брендан, я нашёл стерво!

Недвижимый ранее кустарник начинает шевелиться, и только слышны отголоски абсурдного диалога (бессмертные разговорчивые кусты). Встревоженные спецназовцы окружают территорию, держа палец на спусковом крючке пистолета. Подстраховывают друг друга. Брендан останавливается возле отца, который говорит с Антоном и Юки о контракте с ускоглазым тигром. Любопытство толкает нас в сторону, откуда донёсся крик, – сейчас увидим вблизи жертву синергетического безумия: типичное дитя Вавилона, которое в недавнем прошлом было нашим ближним; человека, больного Психотическим Синдромом С. Стерво (некоторые называют их «зомби»).

Парень, должно быть, давно сидел в кустах. Мы находим его в характерном для стерво ступоре. Сейчас он ползает на четвереньках, привлечённый светом галогена. На нём рваная белая рубашка, узкий галстук и дырявые костюмные брюки

в полоску. На голых стопах я замечаю тёмные полосы грязи, может, крови. Слипшиеся волосы и потное лицо все в песке, а когда кашляет, кажется, что из его лёгких вылетает земля.

Он вертится, словно пёс, под ногами охранников, те нервно смеются. Это лишь вопрос времени, когда он получит первый пинок, потом второй и последующие. Он отскакивает, старается укрываться от ударов – видно, осталась в нём ещё частичка первичных инстинктов. Брендан делает вид, что старается остудить пыл ребят, однако на самом деле забавляется не меньше их.

Приблуда неожиданно выпрямляется. Спецназ сейчас же берёт его на прицел, шлемы координируют стволы пистолетов. Но мужчина ни на кого не бросается, только отклоняется всем телом назад, прижимает локти к бокам и на дрожащих ногах начинает кружить по площадке. Его голова качается то вправо, то влево, мелкими шагами он меряет пустое пространство, чтобы в следующий момент развернуться и продефилировать перед нами в противоположную сторону. Время от времени его охватывает дрожь, и он топорщит невидимые перья, порой из горла доносится пронзительный клёкот. Должно быть, он обменялся S-файлами с виртуальным Журавлём. Брачный танец, он присматривается к окружающим из-под прикрытых век.

– Ты птица? – спрашивает развеселившийся Антон.

Танцор выдаёт нечленораздельный звук. На худой конец его можно принять за подтверждение, но Антону этого недо-

статочно. Он хватает гостя за кожаную ленту галстука и притягивает к себе. Охранники нервно сжимают оружие, из окна «майбаха» выглядывают раззадоренные лица Хлои и Янки, а из «мерседеса» – Вернер и Маркез, вице-президенты «ЭЭ», а также сопровождающий их Леон Грейвс. В свете ламп белеют их седые виски и равнодушные лица.

– Ты – грёбаный Журавль? – выпытывает Юниор.

– *Balearica regulorum*, – с уст безумца слетает удивительно чёткий шёпот.

– Восточный венценосный серый журавль, птица из семейства журавлиных, – говорит Луиза, глядя чёрный «ёжик» на голове. Красиво спроектированный жест задумчивости. – Судя по анализу мозговых волн парень был орнитологом и отождествился с объектом исследований.

– Оставим его в покое, похоже, он неопасный, – предлагает Сэм, один из охранников.

– Мы не можем быть уверены в том, что он оказался здесь случайно, – отзывается Юки. – Нужно проверить все каналы.

Луиза кладёт хрупкую ладонь на горячечный лоб стерва. Она делает плавное движение, как будто благословляет его знаком креста. Едва заметные искры проскакивают между кожей и её большим пальцем.

– Нет следов передачи, – говорит она спустя время, – но он фиксирует всё, что видит, на аиде для будущего воспроизведения или обмена. Мне стереть его?

Июньская ночь тиха и несмела, не хочет сама ответить на

этот вопрос.

– Мне стереть его? – повторяет Луиза.

Я киваю. Не впервой мне отдавать смертные приговоры.

Она касается ладонью за ухом мужчины, где когда-то расцвёл синергетический слот. Трёт его пальцем так долго, что на кончике показывается контакт S-стандарта, приготовленный специально для таких случаев. Потом оба стоят неподвижно, и тело парня охватывает лёгкая дрожь. У меня есть доступ через SPI к визуализации процесса, который пересылает мне Лу. В центре внутреннего экрана движется голубая полоска; неумолимо растёт под мигающей командой «Очистка средств памяти». Девушка безжалостна, она разрушает кратко- и долгосрочные записи, системные файлы, программу доступа к платформе и данные сетевой навигации. Поочерёдно мигают картинки и фрагменты фильмов, символизирующие вырванные из мозга ресурсы. Когда полоска доходит до конца, тело падает на землю без чувств, лишь поблёскивают белки глаз.

Мужчина стёрт, его мозг теперь только путаница белка и бесполезных нанотрубок. По-видимому, это ненужная смерть, однако мы не можем рисковать. Никто не знал, что мы остановимся именно здесь, но осторожность Юки не единожды спасала наши шкуры – нельзя стопроцентно исключить, что это неслучайно. Думать, что нам удастся идеально спрятаться как минимум легкомысленно; за всем и вся следят неутомимые шпионские программы, как в реале, так

и в ВР. Потому нужно заявить о своей силе настолько мощно, чтобы потенциальному нападающему расхотелось переходить к дальнейшим действиям.

Сидящий в первой машине медик проверит, в хорошем ли физическом состоянии наш Журавль и можно ли рассчитывать на него в процессе преселекции запасных тел. Черепная коробка будет очищена перед имплементацией колыбели. Если тело успешно пройдёт дальнейшие тесты, дыру, оставшуюся после слота, залатают, а стерво послужит в будущем кому-нибудь из колыбельщиков. У тебя блестящее будущее, Журавль.

А началось, наверное, всё, как всегда: с увлечения обучающими программами, с мемов, которые передавались по круглосуточным рекламным каналам, с уверений личных тренеров, что только синергетическое сотрудничество даст возможность полного персонального развития. Они говорили о гонке за знаниями, о самосовершенствовании, о неограниченных возможностях запоминания. Соблазнительная вещь: все примеры на расстоянии вытянутой руки, целые энциклопедии и кодексы, совмещённые с мозгом поисковики данных – только брать, брать и брать. А потом ещё более прекрасные возможности: делиться с другими людьми – не только выводами и наблюдениями, но и самими размышлениями, записанными в виде S-файлов. Как можно было этому не поддаться, если не хватает тормозов свободной воли, которые даёт плазмат? Примитивный человек, окру-

жённный такими разогнавшимися ровесниками, был вынужден войти в систему по максимуму либо же отказаться от приличных заработков и дружеских сетевых связей.

Однажды, возвращаясь с долгой лекции в университете, которую можно было бы загрузить в аид одним кликом, ты принял решение. Оно далось тебе легко, тогда ведь всё было «почти-легальным» и казалось «в-меру-безопасным». Может, ты ещё советовался со знакомыми, а может, ты просто сделал начальный осмотр и для поощрения получил первую бесплатную дозу нано – бирюзовая или светло-зелёная капсулка, которую надо проглотить, запивая небольшим количеством жидкости. Ещё укол с нейронными катализаторами, чтобы аид прижился, и всё – ты становился почти богом, мир открывался перед тобой (просто ты ещё не знал, что это задница дьявола). Ты ощутил себя кем-то лучшим, Журавль.

Пришлось тебе взять кредит на следующие капсулки, но это мелочь, ведь ты же инвестировал в себя. Потом оказалось, что монополисты катализаторов и синергетического программного обеспечения тоже дерут в три шкуры, но чего не сделаешь, чтобы быть в топе? За правым ухом смарт-частишки выгрызли тебе симпатичный слот, и ты мог уже свободно подключаться к другим юзерам, и вот только тогда ты пережил настоящий оргазм P2P. И ты подумал (интересно, была ли это ещё твоя мысль?), что стоило однако пережить все те ужасные головные боли, много дней пролежать в сорокапятиградусной горячке, заплатить десятки тысяч вианов,

так как вот в пространстве ты плывёшь сухого океана, ныряя в зелени и расцветая от счастья¹⁰. Ты никогда не переживал такого виртуального возбуждения как тогда. До этих пор одинокий и слабый, ты вцепился в других, как клещ, впился зубами в невидимые узлы Синергии. Вкалывал на работе только ради денег на быстрое соединение, твоя жизнь в реале стала лишь дополнением к Сообществу. Ты бы отказался от неё, если бы только мог.

Возможно, ты бы сказал, что колыбельщикам легко умничать, потому что они естественным путём получают вещи, о которых ты можешь только мечтать. Быть может, в какой-то степени ты даже прав, но не будем забывать о тонкой разнице: у нас другие приоритеты и цели. Мы не хотим слиться воедино с человеческой массой, мы сохраняем индивидуальность даже ценой одиночества, даже ценой вашей ненависти (да любой ценой, которая только может прийти вам в голову). Мы можем себе это позволить и пользуемся своими возможностями, чтобы сохранить частичку человека в человеке. Даже если я сукин сын, то я человеческий сукин сын, а не бесформенная толпа, не стерво, не вампир и не восточный венценосный журавль. Даже если во мне не останется ни одной клетки первичного тела, кроме мозга, запертого в колыбели. Потому у меня есть право приговорить тебя к смерти одним щелчком пальцев, Журавль, и я могу с этим жить.

¹⁰ Автор делает неявную отсылку на стих Адама Мицкевича «Аккерманские степи».

Я наблюдаю, как стёртое тело загружают в багажник автомобиля. Там находится гроб для поддержки жизни в найденных зомби – мы предусмотрительные, жаль терять появившиеся возможности. Откуда-то из глубины накатывает поток ругательств, однако я задерживаю его в горле, не позволяю выплеснуться наружу (да грузите же вы быстрее, суки!). Это мистер Туретт и его дочь копролалия измеряют состояние моего напряжения, обнажая лицемерие аргументации и сдирая маску, наложенную на обстоятельства конца света. Мне противно от себя и противно от мира, я не могу преодолеть это тошнотворное чувство. Но даже будучи лицемером, я остаюсь человеком.

Словно головная боль, возвращается ко мне эта утешительная мысль: я ущербный, а значит я человек.

4. Рассказ Радужного Ворона

Мы смотрим на звёзды – безоблачная ночь и программное обеспечение колыбели позволяют увидеть и назвать много созвездий. Пегас, Андромеда, Лебедь, Цефей, Гончие Псы, Щит, Змея. Лу точнее и быстрее, чем я, она знает название каждой мерцающей искорки на небосводе. Когда я был ребёнком, то сам мог находить только Большую Медведицу.

Мы лежим на сформированном из массы пледы на краю парковки. Из леса доносятся ночные крики и шелесты, сухие ветки опадают над нашими головами. Меня преследует

мысль, что всё вокруг сейчас распадётся на пиксели.

– Три дня назад на Вересковых пустошах я встретила Радужного Ворона, – говорит Луиза. – У него были цветные перья, как у попугая, голова, припорошенная сединой, и бельмо на глазах.

– Как ты узнала, что это ворон?

– Возможно, у него было достаточно черт идеального вида?

– Да ладно, не злись, – улыбаюсь я ей. – Я просто задумался, зачем кому-то понадобился фантом ворона с радужными перьями.

– Он привлёк моё внимание феерией красок и вместе с тем какой-то простотой. В этой оранжерее аморфных видов, напоминающих одновременно не то рыб, не то моток проволоки, не то разбитое стекло или плесень, он будто бы пришёл из другой сказки. Я думаю, это какая-то из старых ИИ, вытесненная к первобытным формам.

– Бинарная пенсия.

– У него были очень престижные координаты: $-15, 0, 4$. За такое место на Вересковых пустошах платят по несколько десятков тысяч за месяц. Возле Источника, на первой плоскости, на внешней стороне срединного куба. Богатый человек или программа-основатель среды. Ворон пригласил меня в свою точку и рассказал историю о старом скульпторе – он каждому рассказывает историю, предназначенную только для него. Я хочу, чтобы ты об этом знал.

Луиза скорее визуализирует с помощью SII-5L, нежели использует голос. Она проецирует перформанс о судьбе мужчины, работами которого восхищались люди во всём цивилизованном мире, а его статуи из благородного кальцитового алебастра украшали костёлы, площади и могилы богачей. Говорили, что он обладал божественным даром вдыхать жизнь в мёртвый камень, заключать красоту в форму, которая переживёт века. В воображении Лу пожелтевшие страницы книги синхронно накладываются на фильм. Декоративные буквицы и пахнущие нафталином слова – позолота фальшивого белого ворона переплетается с рассказом Радужного ворона.

«Однажды весной, в честь годовщины коронации, король заказал мастеру-скульптору статую Дочери Небес. Идеальные пропорции, идеальная форма тела, нежно переданные жесты, чувственное и одновременно ангельское лицо. Люди должны влюбляться в неё с первого взгляда. Статуя должна символизировать нескончаемую доброту короля и его власть над человеческими мыслями. Все люди искусства, а потом – когда глашатаи раструбили эту весть на четыре стороны света – также властелины и жители многих стран напряжённо ожидали, удастся ли старому скульптору создать творение всей своей жизни и удовлетворить покровителя. И во дворцах, и за прилавками спорили о том, какую из прекрасных смертных выберет мастер в качестве модели, кто удостоится такой чести. Скульптор очень долго искал подходящий ма-

териал, отбрасывал камень за камнем, ни один не был достаточно идеальным. Даже среди черни начали ходить легенды...»

Скука, от которой застывает кровь в жилах. Я не могу выдержать растянутого темпа классического рассказа. Мозг, привыкший к другой интенсивности импульсов, не может сконцентрироваться на деталях повествования, нить прерывается от раза к разу, как будто после хорошей дозы Лорелей. Ко мне возвращается эхо вчерашнего разговора с отцом и Антоном, которые хотели обсудить стратегию поведения в условиях скачущих курсов валют и подкашивающей инфляции. Спрашивали моё мнение. Хоть изъятие денег с рынка не очень меня привлекает, я предпочёл дать им свободу действий. Мне достаточно осознания того, что мы влияем на решение Центрального Банка, а в резервах – остатки залежей нефти и огромные площади земли (в том числе под автострадами), которые мы приняли от правительства за долги. Отец убеждал, что мы должны взять большой кредит в *RCSB* на развитие медицинских институтов «Элиас Электроникс» и на несколько месяцев заморозить процентные ставки. Он рассчитывал, какой выигрыш принесёт падение курса виана по отношению к *ECU*, но решил, что мы будем действовать в интересах Раммы. Ставки должны в результате пойти вверх, чтобы иностранные инвесторы начали покупать ценные бумаги, а с рынка исчез избыток валюты. Очень странно, что в таком бардаке экономика перегрелась и надо её остужать.

Чёрт! Прости, Лу, уже возвращаюсь к тебе. Честно, я не хотел уходить так далеко.

«В один день к скульптору пришёл каменщик с Юга. Он предложил продать ему прекрасный блок за десять тысяч золотых монет, и мастер не колебался ни минуты (платил из королевской сокровищницы). Он закрылся в своей мастерской и сказал, что не выйдет из неё, пока не закончит произведение. Ему ежедневно доставляли еду и питьё, одежду и благовония, но он редко пользовался ими. Только пил лимонную воду и неделями ходил в одной и той же пыльной мантии – об этом перешёптывалась между собой королевская служба. Гвардейцы с самого первого дня окружили мрачный дом и не подпускали никого на расстояние двадцати шагов. В окнах развевались тяжёлые чёрные шторы из трёхслойного полотна, а на улицу доносились отголоски молотка скульптора, который ударял в долото.

Бывали дни тишины, когда гвардейцам и собравшимся вокруг зевакам казалось, что мастер забросил своё дело или умер в одиночестве. Тогда он выполнял более точные работы, полировал или подбирал мелкие кусочки камня, а иногда отдыхал, планируя, что делать дальше. Порой он, должно быть, подскакивал с кровати и хватался за инструменты под влиянием внезапного импульса, поскольку в полночь или уже под утро вдруг слышался его молоток – стук-стук, стук-стук – и раздавались проклятья на нескольких языках сразу. Ночная стража любила эти неожиданные взрывы твор-

ческих сил – они приносили какое-то разнообразие в службу, расклеивали тяжёлые веки и становились темой казарменных историй. Так проходили недели, всё меньше и меньше любопытных глаз старались высмотреть какое-то движение в мастерской, всё меньше и меньше ушей внимало в тавернах и по дороге с храма. Только король изо дня в день становился всё более нервным и терял остатки надежды. Лето подходило к концу».

Луиза прерывается, чтобы получить сообщение от Вероники. Три года назад, в начале этого хаоса, я ввёл её в управление *Void Works*. Я верил, что купленная за бешеные деньги ИИ, которая самостоятельно выполняет финансовый анализ и принимает быстрые решения, поможет фирме удержаться на плаву. И не ошибся – она оказалась лучшим финансовым директором в истории предприятия, моей правой рукой и советчиком, которому я доверяю.левой рукой со времён великого слияния стал Оли Сидов, вице-президент по делам производства – киборгизированный парень на вечном омолаживающем лечении. Мы являем собой этакий сыгранный экзотический терцет¹¹.

Вероника требует, чтобы я принял решение. Она считает, что расторжение договора с «Эмко», поставщиком сырья для мозгов ключевых моделей, переходит границы обычного

¹¹ Намёк на одну из самых старших польских музыкальных групп *Tercet Egzotyyczny*, которая играет в латиноамериканском стиле и состоит из двоих мужчин и одной женщины, на что и делается акцент в сравнении.

стиля управления. Она получила достойные доверия сведения (наверное, от другой ИИ), что вампиры уничтожили у них все запасы гелевого сплава и главную линию производства. Это произошло больше недели назад, но они всё скрыли и теперь в срочном порядке ищут кредит на возобновление продукции. Вот-вот начнут опаздывать с реализацией заказов, а чуть позже просто-напросто окажутся на лопатках.

Я прошу её выбрать из трёх оферентов в Готто, которые принимали участие в последних торгах. Она должна руководствоваться результатами продаж за последний год, скоростью доставки и авиапарком концерна. Цена – только в четвертую очередь, сейчас мы не будем глупо экономить. Она соглашается со мной при условии, что мы включим в сделку японцев с представительством в Славии. Мы нежно прощаемся по специальному каналу 5L.

– Ревную, – Луиза улыбается в темноте. Машины давно стоят замершие без света, только стража кружит вокруг площадки.

– Наша жизнь порезана на мелкие полоски, мы как мобильные шредеры.

– Потому примитивные уже ни за чем не успевают. Я не удивляюсь Журавлю.

– Рассказывай дальше.

«Лето подходило к концу и наконец настал тот день. Обычная дождливая суббота. Скульптор передал королевскому посланцу сообщение о том, что он закончил своё тво-

рение. Старик исхудал и осунулся, глаза его горели нездоровым блеском. В столице всё пришло в движение, словно в большой праздник, отовсюду стали съезжаться гости, приглашённые ко двору. Мастер не дал своего согласия, чтобы кто-либо, особенно монарх, увидел статую до публичного открытия. Он сам закутал её в атлас и следил за перевозкой на центральную площадь города, где уже месяц ждал пьедестал, украшенный золотыми лентами. Могучие плечи возвели на него чёрную мумию. Народ нервно ходил вокруг диковинки, дети указывали на статую грязными пальцами и строили гвардейцам гримасы. Была выставлена усиленная охрана, чтобы ночь прошла спокойно. На следующий день должно было состояться торжественное открытие статуи».

У меня в голове проносится мысль, что в те времена потребовались бы недели, если не месяцы на распространение информации. На земле было немного плазмата, он не так напирал на человеческие мозги, не вызывал ещё этой грязевой лавины, которая несётся стремительным потоком даже после его исчезновения. Сейчас число присваиваемых мемов утрачивается с каждым поколением. А в те времена, чтобы кто-нибудь появился на церемонии, гонцы загоняли целое стадо лошадей и сами умирали от истощения. Возможно, где-то потерялась информация, что между днём открытия и последним ударом молотка скульптора прошло несколько недель.

«На рассвете сквозь тучи пробилось солнце. Брусчатка ещё блестела от влаги, а в ямах стояли лужи. После утрен-

ней службы на площади стали собираться люди. Богатые и бедные сходились сюда целыми семьями. Вдалеке шумели конные упряжки, поскольку лошадей не подпускали близко к статуе. Над всеми возносилась фигура, закутанная в чёрную ткань. Старый скульптор следил за ней, сидя у подножия пьедестала на обитом атласом позолоченном кресле (миниатюрный трон для звезды представления).

Усиливался шум, нарастали окрики торговцев крендельками и берёзовым сиропом. Солдатам всё труднее и труднее было сдерживать напор зевак. Наконец на площадь ровным шагом вышли два отряда дворцовой гвардии. Они сформировали в толпе узкий проход, а мостовую накрыли красным толстым ковром. Ровно в двенадцать на площадь заехала королевская карета, и монарх прошёл между приветствующей его толпой. Заиграли трубы, от их рёва с ближайших крыш полетели прочь голуби.

Король говорил дрожащим от волнения голосом. Потом он указал на ведущего церемонии, а тот привёл пожилого скульптора. Старец взял в руку расшитый золотом шнурок, чтобы снять завесу со своего творения. Он посмотрел в небо, по которому ползли пушистые облака, обвёл взглядом собравшихся и поклонился монарху. По знаку ведущего церемонии ударили в барабаны. Краткий рывок, и ткань мягко опала на землю.

Раздался вздох удивления, и на площади воцарилась мёртвая тишина. Даже те, кто стоял слишком далеко, что-

бы рассмотреть статую, поняли, что произошло нечто страшное.

Прекрасная женская фигура с босыми ногами, руками, сложенными на груди, одетая в нежное платье, так красиво переданное в камне, что оно казалось прозрачным и открывало мягкую линию плечей, талии и бёдер, эта эфирная, будто летящая женщина из самого красивого весеннего сна, носила изрытое морщинами лицо старого скульптора. Безобразное, усталое и грустное».

– Скульптор знал, чем рискует, он готовился к смерти, однако король не сделал ничего. Он не сказал дурного о статуи, не разозлился. Он в полном молчании вернулся во дворец и приказал выдать скульптору последнюю часть оплаты, а потом поручил уничтожить статую и все произведения скульптора во всём королевстве, так чтобы нигде – ни в одном портале, ни на одной колонне – не остался след его долота. Его фамилию нужно было стереть из хроник, а вельможам запрещалось заказывать у него дальнейшие работы. К старцу, кроме того, приставили секретную охрану, которая должна была обрезать верёвки, подвязанные к потолку пустых комнат. Скульптор должен был жить как можно дольше. Художник проявил несказанную наглость, но даже это не оправдывало жестокости короля, – заканчивает Луиза.

– Он имел полное право быть недовольным – товар не соответствовал заказу, – я глажу её по худой руке. – Но не думаю, чтобы тебя беспокоила судьба старца. Ты скорее дума-

ла о самой статуе, правда?

– Скажи, сколько себя ты вложил в мой образ? Сколько во мне представлений об идеальной женщине? А сколько во мне от Пат?

Хороший вопрос, Лу, но я не знаю этих нечётких пропорций. Даже я не мерял всего в процентах и битах. Само собой, у меня перед глазами была Пат. Каждый день, когда я садился в тёмной комнате, вводя программой колыбели очередную линию твоего кода в матрицу, я вспоминал разные детали: её улыбки и отдельные слова, характерные жесты (смешной трепет ресниц и театральный взмах руками), самые частые реакции. Всё покрыто патиной времени, добыто усилителями долговременной памяти из большого, столетнего сугроба воспоминаний.

Изначально я боялся, что не выдержу твоего присутствия, если будешь слишком её напоминать. А потом оказалось, что этих воспоминаний слишком мало, что память не может сохранить ничего надолго. Даже эта цифровая суперпамять колыбельщиков коллекционирует только проявления жизни, картинки, лишённые значения, без запаха и звука, бесконтекстные слайды. Оказалось, что я могу передать тебе всё, что запомнил, смешать со своими впечатлениями о Пат – какой она была, а какой могла быть, – и всё ещё остаётся место для генераторов случайности и психологических креаторов. Ты неповторима, и, если честно, я не знаю, кто ты.

Мы все ходим по кругу, запутавшись в творении и авто-

творении. После года Зеро мы все стали закоренелыми демидургами, не существует силы, которая могла бы нас удержать от безустанной подгонки реальности к нашим представлениям, от творческой лихорадки, направленной главным образом на себя. Мы не знаем точно, что с нами происходит, никто не гарантирует, что мы это Мы. Мы создаём личные сертификаты, сборники паролей и самого тайного знания, чтобы в критический момент подтвердить свою личность. Но всего этого может не хватить, потому что мы затронули основную (когда-то инстинктивную), онтологическую уверенность в том, что мы существуем и существовали в таком виде. Мы боимся, что во время очередного пересмотра колыбели, рейда через Вересковые пустоши или реинкарнации кто-то подменит часть нашего сознания или это случится по нашему, отменённому позднее приказу. Ведь по сравнению с членами Сообщества мы чисты, как слеза младенца.

Брендан даёт знак, пора выдвигаться в сторону Замка. Между машинами мелькают человеческие тени. Луиза молчит, переваривая мой хаос кислотами собственного порядка, забавно стряхивает плед и вкладывает массу в маленькую коробочку. Этот жест говорит мне обо всем – вернёмся к этому разговору, когда придёт подходящий момент. А если я вложил в её сознание слишком много себя, то не будет никакого разговора, никакого обмена мыслями. Максимум расплывчатый на голоса внутренний монолог, обмен взглядами, оживлённый и неожиданный, сравни обмен импульсами между

правым и левым полушарием одного мозга.

Глядя на неё, я буду всматриваться в зеркало, меняющее пол в нескончаемом количестве отражений.

5. Morozhenoje

Лу проводит наш любимый эксперимент – вытягивает четыре случайные карты из колоды. Она улыбается при этом как заядлый азартный игрок и каждый раз показывает мне результат: дама червей, дама бубён, дама треф и дама пик. Вытянутые в такой последовательности, как бы она ни тасовала и не перекладывала карты (тянет из разных концов, вытягивает по очереди, тянет по две сверху и две снизу). Ничего не поделать с фатализмом этого мира. Так всегда: дама червей, дама бубён...

Грёбаные дамы!

– Какова вероятность вытянуть четыре карты именно в такой последовательности? – спрашиваю сонным голосом.

– Очень низкая, – она моргает несколько раз. – Меньше чем один к двумстам пятидесяти пяти тысячам, а я вытянула этот комплект тридцать раз с момента, как мы отъехали от паркинга. Этот мир полностью распадается, скоро каждая вылетевшая из ствола пуля будет попадать в центр мишени.

– Или рикошетом в лоб стреляющего, – я смотрю в розовеющее за нами небо. Со стороны Раммы начинает восходить солнце. – Тяни дальше. Посмотрим, как оно пойдёт, ко-

гда будем проезжать френы.

Мы едем под защитой транспортёра Первого полка войск быстрого реагирования, который прибыл за нами из Сигарда. В небе проносятся автопилотные разведывательные дельтапланы, рассекают воздух во всех направлениях, используя линии антиполя. Брендан говорит водителям транспорта, что через несколько минут мы въедем на территорию, охваченную ночными боями. Он приказывает полностью закрыть и затемнить окна. Полная герметизация с автоматической регуляцией температуры на случай, если нас лизнёт щупальце термического пузыря. Машина подсакивает на полуразвалившемся покрытии, асфальт не выдерживает низких температур, хотя в это место угодили максимум обломки снарядов.

Вереница гражданских и военных машин резко обрывается у большого блокпоста, осаждённого взводом *Death Angel* – я узнаю тёмно-зелёные мундиры, рюкзаки с защитой и характерный твёрдый шаг андроидов. Они пропускают наш конвой, который трясётся, как будто едет по бездорожью Крутых гор, а не по самой большой автостраде страны. Вскоре мы въезжаем вглубь бомбардированного участка. Руководящий транспортом поручик Торрес информирует нас, что непосредственно автострада не пострадала, но она и без того обледенела и полопалась на участке длиной около десяти километров. Просит о подогреве машин и снижении скорости из-за гололёда.

В лучах восходящего солнца вижу зимний пейзаж. Обочина по правой стороне, насколько хватает взгляда, сияет искорками льда. Изморозь покрыла каждый стебелёк травы, каждый листик на дереве и каждый цветок. Все вокруг блестит отраженным светом солнца и с каждой минутой меняет цвет – становится всё менее розово-серым, всё более обретает белизну. Вижу машины, обездвиженные на дороге, пересекающей лес, покрытые стеклоподобным налётом постройки какой-то фермы, несколько пологих холмов, на которых замёрзли карликовые кустарники. А потом замечаю людей в километре отсюда (колыбель делает картинку чётче) – накрыло многочисленный отряд партизан. Они ехали по объездной с севера на нескольких позаимствованных транспортных средствах и джипах. Должно быть, отстреливались от дельтапланов или вертолётов, так как повыскакивали из машин и целились вверх.

А потом противник сбросил на них френический заряд, неправильную полусферу, в которой всё за несколько секунд замерзло до температуры минус двести градусов. Некоторые до сих пор стоят с поднятыми карабинами, примёрзшие к своим машинам, кто-то целится в небо из ручного гранатомёта. Окна машин полопались от холода.

Появляются следующие подразделения, которые тянулись полевыми тропинками, нитями дорог, а порой напрямик, через пастбища и поля, засеянные пшеницей и кукурузой. Всё бело-серебристое, замершее на полушаге, замкнутое в

невидимых куполах, из которых невозможно сбежать. Замечаю даже несколько украденных танков, которые постигла та же судьба, что и более лёгкий транспорт. Великое наступление несколькихтысячного отряда полевого командира Кришны было остановлено – в буквальном смысле. Уничтожено десятки гектар земли, под удар попали случайные люди, но армия не подпустила повстанцев к воротам города; достаточно много мелких групп проникло ранее в бедные районы.

Потихоньку с нагревающихся полей начинает подниматься водяной пар. Весь мир вскоре будет укрыт клубами тумана. Луиза говорит, что на замороженной территории начинают появляться более нормальные расклады вероятности, карты меняют последовательность, кроме того – сейчас она вытягивает даже случайные комбинации. Хорошо. Это подтверждает мою теорию, касающуюся происхождения френов, но я слишком увлечён наблюдением, чтобы об этом говорить. Я не могу отвести взгляда от величественной белой скульптуры, от последствий использования экспериментального оружия массового уничтожения. Этот холод даёт слабую надежду, что войска Раммы победят в битве, что набьют алчную морду Саранче, с которой невозможно договориться (потому что вампиры не знают понятия «перемирие»), что этот великий поток человеческого стерва будет отброшен от больших городов и распорошен, а потом отряды *Death Angel* выловят недобитых, словно зачумлённых крыс, и потопят их в собственной крови. Химическое оружие, вступающее в ре-

акцию с катализаторами, и контролируемая атака льдом – это уже что-то.

Я с удовлетворением думаю о последствиях адского холода. Жидкость в глазных яблоках замерзает при температуре минус семьдесят градусов, а человеческое тело, если его какое-то время подвергать влиянию жидкого азота, превратится в резиновую массу (френический мороз ещё более едкий). Я представляю, как в лучах июльского солнца все эти сукины дети превращаются в одно большое болото. Размазанные лица, слизевые потоки, вытекающие из глазниц, мозги, выливающиеся из размякших черепов. Даже чёртовы айды не смогут их оживить – прихлопнули бесповоротно, вместе с костями. Не сработает и смешной фокус, который использовали в уличных заварушках, когда бессознательные, умирающие от боли люди двигались силой воли внешнего оператора, соединённого со слотом. Определённый конец.

– О таких, как они, говорят *morozhenoje*, – вмешивается Луиза. – Армия использовала это оружие официально всего в четвёртый раз с начала войны, но неофициально...

– Мне нравится это название, – говорю, потряхивая головой. – Надеюсь, буду видеть их почаще. *Morozhenoje, morozhenoje*, – повторяю несколько раз, фиксируя в виртуальном блокноте фрагмент «Эклоги»:

«Не засматривайся в окно... Там зима начинается.

Вокруг френов с самого начала было много неразберихи, общественное мнение понятия не имело, кто и при каких обстоятельствах сделал это открытие. Излучение впервые представил теоретик физики с Иона, Филипп Д. Мейер. Он показал поражённым коллегам из Королевской Академии Ремарка голубой свет, который вёл себя вопреки законам природы (не всегда двигался самым коротким маршрутом в прозрачном пространстве, создавая что-то наподобие спирали; более того, во время эксперимента у участников значительно менялось восприятие времени). Мейер однако не объяснил, каким образом получил это новое излучение, утверждал, что образец ему доставил кто-то другой. У него не было специального излучателя, френы выходили из примитивного проектора, в котором находилась сильно ионизированная жидкость. Всё это происходило где-то за сорок лет до года Зеро, накануне того, как разгорелся готтанско-ремаркский конфликт.

Потом, в военной суете об открытии забыли. Мейер погиб во время готтанского налёта на Ион, а образец жидкости выкрали из Академии несколько учёных. В Ремарке происходили настолько пугающие вещи, что все забыли о голубом свете. Дело всплыло вновь весьма неожиданно, через двена-

¹² Речь идёт о произведении Р. Воячека «Эклога». Здесь приведено в переводе Л. Бондаревского.

дцать лет после начала войны, когда ремаркские экстремисты совершили покушение в городе Рамма с использованием френического заряда. Таким образом они хотели привлечь внимание общественности к уничтожению своего народа, но в длительной перспективе это привело к ещё большему истреблению человечества.

Источники не имеют единого мнения по поводу масштаба разрушений и силе бомбы, которая детонировала в костёле Марии Магдалены. Одни утверждают, что это была небольшая вспышка, которая затронула только покров молитвенных автоматов, другие же говорят, что излучению поддались несколько сотен верующих (которые позднее страдали от новообразований в головном мозге). С этого момента стали официально интересоваться френами и у нас, а спецслужбы добыли субстанцию для военных лабораторий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.